

·thebigbook·

Розелла
Посторино

ДЕГУСТАТОРШИ

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
П 63

Rosella Postorino
LE ASSAGGIATRICI
Copyright © 2018 Rosella Postorino
All rights reserved

Перевод с итальянского Андрея Манухина

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-17899-1

© А. С. Манухин, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Настоящая фреска, нежная и берущая за душу... Эту историю следовало рассказать.

La Stampa

Темпераментный, увлекательный и эпический роман.

Il Mattino

Необычная и захватывающая история любви и дружбы.

QN

Узница поневоле и ее тяга к свободе — этот конфликт затягивает читателя с первой же страницы.

Il Piccolo di Trieste

За каждой строчкой книги видна жажда жизни, человечности...

Il Gazzettino

Не оторваться!

Leggendaria

В романе Розеллы Посторино сама История пускает под откос жизни людей, ее делающих. «Дегустаторши» останутся с читателем надолго.

La Repubblica

Эта книга о любви, голоде, выживании и муках совести надолго остается в сердце.

Marie Claire

Неотразимо и по-настоящему хорошо написано.

huffingtonpost.it

Сюжет, вне всякого сомнения убедительный и оригинальный, заставляет сопереживать героине, особенно в финале, обладающем огромной эмоциональной силой.

Ciociaria Editoriale Oggi

Невозможно рассказать о войне, не упомянув о голоде. Но есть нечто и похуже: знать, что каждая ложка еды, попавшей (по счастливой случайности) к тебе в тарелку, может стать для тебя последней.

La Gazzetta di Parma

Розелла Посторино рассказывает о жизни «дегустаторш», балансируя на тонкой грани между исторической реконструкцией и литературной фантазией.

Gente

Каково это — «одолжить» фюреру свой пищеварительный тракт? Каково быть подопытным кроликом, поедающим пищу, дабы предотвратить отравление главного чудовища в мировой истории? Каково утолять голод приготовленными для него деликатесами и думать, что, возможно, этот нежный вкус может стоить тебе собственной шкуры? Весьма необычный, но совершенно неотразимый роман.

Il Tempo

Ясным и точным языком, буквально несколькими штрихами, Посторино мастерски обрисовывает портрет героини, которая надолго остается в памяти читателей.

Blowup

Посторино исследует самую глубину человеческой души, не ограничиваясь привычной борьбой добра со злом.

Il Giornale di Vicenza

Очень нужная и очень сильная книга, сравнимая с творчеством Примо Леви и другими лучшими образцами итальянской прозы.

La Riviera

Главная заслуга романа в том, что он представляет эпоху нацизма совершеннейшей антиутопией (налицо даже кое-какие отсылки к «Рассказу служанки» Маргарет Этвуд), которая в то же время непосредственно соприкасается с нашей сегодняшней реальностью.

Il Manifesto / Alias

Лучший итальянский роман 2018 года.

fanpage.it

Роман, захватывающий, как чудесный фильм.

Vanity Fair

Как и все лучшие авторы, Посторино ничего не разжевывает. Но читайте между строк, умные и чуткие...

Di Repubblica

Метафора пицци как спасения и в то же время ловушки, изоляция физическая и экзистенциальная, страсть как бегство от реальности и как проклятие — и на этом фоне рассказывается история жизни нескольких девушек, чьи мечты и надежды попали под безжалостный маховик Истории.

Il Piccolo di Trieste

Роман, исследующий человеческую душу до самых ее глубин.

illibraio.it

Посторино восстанавливает повседневную деревенскую жизнь с ее непривычными, но в целом приемлемыми правилами. Здесь есть «бесноватые», готовые отдать за Гитлера жизнь, есть наивная Лени, жертва скорее люб-

ви, чем нацизма, есть загадочная Эльфрида, есть Беата, гадающая на картах Таро, и матери, которым нечем кормить детей...

Il Corriere della Sera

Вдохновленная реальной историей Марго Вёльк, Розелла Посторино демонстрирует нам женщину, попавшую в ловушку. Дегустаторша слишком слаба, чтобы противостоять Истории, но достаточно сильна, чтобы не сдерживать порывов юности.

Tutto Libri

Шедевр... Уникальная история, в которой каждый читатель увидит свое отражение.

L'Unione Sarda

Едва погружаешься в этот роман, в горле встает ком, и до самой последней, великолепной главы не отпускает чувство внутреннего узнавания.

Io Donna

Захватывающий роман. Розелла Посторино умеет минимумом средств передать стыд и чувство вины, любовь и раскаяние... Мы явно еще не раз услышим ее голос.

The New York Times

Яркая, напряженная историческая проза... этот роман на глазах становится всемирным бестселлером.

Spectrum

Совершенно потрясающая книга.

France 2TV

Розелла Посторино написала роман невероятной эмоциональной силы, нечто среднее между «Большой жратвой» и «Ночным портье».

Le Figaro

Превосходный стиль, особенно хорошо передана атмосфера. Живот сводит от ужаса при мысли о том, что каждый съеденный Розой кусочек может стать последним. Несмотря на напряженный сюжет, Посторино сумела наполнить книгу нежностью, в то же время избегая морализаторства. Этот роман, основанный на реальной судьбе, читается запоем.

Le Parisien

К чему ты готов приспособиться, чтобы выжить? На что способен закрыть глаза, какие ужасы в силах вытерпеть? С невероятным изяществом и сарказмом, глубиной и чувственностью Розелла Посторино показывает, насколько размыты границы между нежностью и насилием, любовью и ненавистью. Между той рукой, что ласкает, и той, что убивает.

L'Or des Livres

«Дегустаторши» мастерски демонстрируют читателю, как работает инстинкт самосохранения, овладевающий каждым человеком на краю пропасти, в какие запутанные лабиринты страстей увлекает.

La Presse

...и прочно забывают,
Что сами носят звание людей.

*Бертольт Брехт.
Трехгрошовая опера¹*

¹ Перев. С. Апта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нас впускали по одной. После нескольких часов ожидания, проведенных на ногах в коридоре, хотелось уже только есть. Обеденный зал оказался огромным, с белыми стенами. Посередине располагался длинный деревянный стол, накрытый специально для нас. Каждую подвели к отведенному ей месту.

Усевшись, я скрестила руки на животе и больше не двигалась. Белая фарфоровая тарелка стояла прямо передо мной. Я была голодна.

Остальные молча рассаживались по своим стульям. Нас было десять. Более уверенные в себе — суровый взгляд, волосы собраны в тугий пучок — смотрели прямо перед собой, другие нервно озирались. Девушка напротив меня прикусила губу, оторвала кусочек кожи и быстро перетерла его резцами. Ее пухлые щеки горели румянцем. Она тоже была голодна.

К одиннадцати утра есть хотели уже все. И дело вовсе не в чистом деревенском воздухе и не в долгой поездке на автобусе: бездонную дыру в желудках проделал страх. Страх и голод, нами уже несколько лет двигали только страх и голод. Стоило почуять запах еды, как кровь прилила к вискам,

а рот непроизвольно наполнился слюной. Я снова взглянула на девушку с румянцем во всю щеку: она горела тем же желанием, что и я.

Стручковая фасоль тонула в топленом масле — я не пробовала его со дня свадьбы, — поздри щипал терпкий аромат поджаренных перцев. Моя тарелка наполнялась, а я лишь глядела на нее, боясь пошевелиться. Девушке напротив меня достался рис с горошком.

«Ешьте», — донеслось из угла комнаты: скорее приглашение, чем приказ. Конечно, наши горящие глаза, приоткрытые рты и учащенное дыхание было трудно не заметить. И все же мы колебались: приступать или дождаться пожеланий приятного аппетита? И потом, вдруг еще есть возможность подняться и заявить: «Нет, спасибо, куры нынче щедро несутся, мне и яичка хватит».

Я снова пересчитала сидящих за столом: десять. Ну, хотя бы не тайная вечеря.

«Ешьте!» — повторили из угла, но я уже втянула стручок в рот и почувствовала, как по всему телу, до самых корней волос, до пальцев ног, растекается теплая волна, как постепенно замедляется сердцебиение... Ты приготовил предо мною трапезу¹ (о, до чего хороши эти перцы!), трапезу именно для меня, прямо на деревянном столе, даже без скатерти: только безупречно белый фарфор и десять женщин. Еще бы платки на головы — и ни дать ни взять сестры-молчальницы в рефектории.

¹ «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих...» (Пс. 22). — *Здесь и далее примеч. перев.*

Сначала мы берем по кусочку, словно не обязаны доедать все до последней крошки, словно можем отказаться, словно этот роскошный обед предназначен вовсе не для нас: мы случайно проходили мимо и так же случайно удостоились чести присутствовать за столом. Но потом еда проскальзывает через пищевод, падает сквозь дыру в желудок, чем дальше, тем дыра шире — и тем быстрее мелькают вилки. Яблочный штрудель так хорош, что у меня выступают слезы. Он вкусный, безумно вкусный, и я, давясь, запикиваю в рот все более широкие ломти, один за другим, едва успевая поднять голову от тарелки и перевести дыхание. А враги смотрят.

Мама говорила, что есть — значит бороться со смертью. Причем говорила это задолго до Гитлера, еще когда я ходила в начальную школу на берлинской Браунштайнгассе, 10, а никакого Гитлера и в помине не было. Поправляла мне бант на фартуке, вручала портфель и напоминала за обедом: надо следить за собой и стараться не подавиться. Дома я обычно говорила с набитым ртом. «Слишком много болтаешь», — напоминала она, и я, конечно, тут же давилась, но только от смеха, не в силах выносить этот трагический тон, да и весь ее педагогический метод, основанный на угрозе безвременной гибели. Послушать ее, так любое движение подвергает нас смертельной опасности. Жизнь — это риск: ловушки подстерегают на каждом шагу.

Когда мы покончили с едой, к столу приблизились двое в форме СС. Женщина слева от меня поднялась.

— Сидеть! Всем оставаться на местах!

Женщина как подкошенная рухнула обратно на стул, хотя никто ее даже пальцем не тронул. Одна из закрученных улиткой кос выбилась из-под шпильки и закачалась, как маятник.

— Вставать запрещено. Вы останетесь за столом до дальнейших распоряжений. И чтобы тихо! Если еда отравлена, яд распространится быстро. — Эсэсовцы обвели нас взглядом, чтобы проверить реакцию, но никто не издал ни звука. Потом говоривший снова повернулся к женщине, которая осмелилась подняться, — возможно, в знак уважения к ее дириблю¹. — Спокойно, это всего час, — сказал он. — Через час все будет свободно.

— Или мертвы, — добавил его напарник.

Я почувствовала, что сердце сжалось в груди. Румяная девушка закрыла лицо ладонями, пытается подавить рыдания. «Прекрати сейчас же», — прошипела ее соседка-брюнетка. Тут и остальные пустили слезу, будто наевшиеся крокодилы: может, так действовал пищеварительный процесс?

Я прошептала: «Можно узнать, как тебя зовут?» — но румяная, похоже, не понимала, о чем я спрашиваю. Тогда я протянула руку и коснулась ее запястья. Вздвогнув, она бессмысленно глянула на меня красными от полопавшихся сосудов глазами.

— Как тебя зовут? — повторила я.

Девушка взглянула в тот страшный угол, не понимая, можно ли говорить, но охранники как раз отвернулись: было около полудня, и у них,

¹ Традиционный женский наряд альпийских регионов Германии, Австрии и Швейцарии.

должно быть, тоже посасывало под ложечкой. А может, им просто не было до нее дела. Поняв это, она осмелилась вопросительно пробормотать:

— Лени, Лени Винтер, — словно не была уверена, что это ее имя.

— Прекрасно, Лени, а я — Роза, — сказала я. — Вот увидишь, скоро мы вернемся домой.

Лени, на вид совсем девчонка, судорожно сжимала пухлые кулачки. Судя по лицу, ее ни разу не лапали в сарае, даже под конец сбора урожая, когда парням совсем нечем заняться.

В 1938 году, после отъезда моего брата Франца, Грегор привез меня сюда, в Гросс-Парч, чтобы познакомить с родителями. «Они тебя непременно полюбят», — заявлял он, гордясь победой над своей молоденькой секретаршей родом аж из Берлина. Мы были помолвлены — совсем как в кино.

До чего же приятно было ехать на восток в коляске мотоцикла! «Скачут кони на восток» — так ведь пелось в той песне? Самые отъявленные горлопаны орали ее не только двадцатого апреля: для них каждый день был днем рождения Гитлера.

Я впервые плыла на пароме и впервые уезжала из дома с мужчиной. Герта поселила меня в комнате сына, а его самого отправила спать на чердак. Когда родители ушли спать, Грегор тихонько открыл дверь и забрался ко мне под одеяло. «Нет, — прошептала я, — не здесь». — «Тогда пошли в сарай». У меня даже в глазах помутилось. «Что ты, не могу! А если твоя мать заметит?»

Мы еще ни разу не занимались любовью. Я еще ни разу не делала этого ни с кем.

Грегор мягко провел рукой по моим губам, обведя их по краю, потом стал давить, все сильнее и сильнее, пока я не приоткрыла рот и не разжала челюсти, впустив два его пальца. Чувствуя, как они трутся об мой язык, я поняла, что могу сомкнуть зубы и укусить его. А вот Грегор об этом даже не подумал: он всегда мне доверял.

Ночью, не в силах больше сопротивляться желанию, я поднялась на чердак и открыла дверь. Грегор спал. Я прижалась к нему губами, чтобы наше дыхание смешалось, и он проснулся. «Хотела узнать, чем я пахну, когда сплю?» — улыбнулся он. Я сунула ему в рот палец, потом два, три, почувствовав, как расходятся челюсти, как смачивает подушечки слюна. Символ настоящей любви: рот, который не кусает. А если укусит, то лишь предательски, как собака, бросающаяся на хозяина.

Когда на обратном пути он обнимал меня за шею, на мне были алые коралловые бусы. И случилось все не на сеновале его родителей, а в каюте без иллюминатора.

— Мне нужно выйти, — пробормотала Лени; но расслышала ее только я.

Соседка-брюнетка с торчащими скулами и прилизанными волосами бросила на девушку суровый взгляд.

— Тсс, — шепнула я, погладив Лени по руке; на этот раз она даже не вздрогнула. — Осталось всего минут двадцать, почти закончили.

— Но мне нужно выйти, — настаивала она.

— Заткнулась бы ты, а? — скосив глаза, огрызнулась брюнетка.

— А ты-то куда лезешь? — почти выкрикнула я.

Эсэсовец обернулся:

— Что такое?

За ним обернулись и остальные.

— Пожалуйста... — начала Лени.

Эсэсовец стоял прямо передо мной. Лени подняла руку, как в школе, и принялась что-то шептать ему на ухо — я не слышала, что именно, но лицо охранника скривилось, превратившись в уродливую маску.

— Ей плохо? — спросил второй.

— Яд! — снова встала женщина в дирндле.

Остальные тоже повскакивали с мест. Лени зажала рот рукой, и, едва эсэсовец отошел, ее стошнило прямо на пол.

Охранники выбежали из зала, громко требуя привести и допросить повара: похоже, фюрер оказался прав и англичане действительно хотели его отравить. В зале обнимались, кто-то рыдал, уткнувшись в стену. Брюнетка, уперев руки в боки, вышагивала взад-вперед и странно хлюпала носом. Подойдя к Лени, я положила руку ей на лоб.

Большинство женщин держались за животы, но вовсе не из-за колик: в кои-то веки они не испытывали голода и это было крайне непривычно.

Нас не выпускали еще добрый час. Пол протерли газетами и мокрой тряпкой, но он все равно вонял чем-то кислым. Лени не умерла, хотя ее долго била крупная дрожь. Потом она заснула, опершись щекой на руку, как школьница, и вложив свою пухлую ладошку в мою. Я чувствовала бурление в желудке, но слишком устала, чтобы поднимать шум.

Грегора призвали в армию. Он не был нацистом — мы вообще старались не иметь дел с на-

цистами. В юности я даже не захотела вступать в «Союз немецких девушек», уж очень мне не нравились черные галстуки, которые они заправляли под воротники белых блузок. Впрочем, я никогда не была хорошей немкой.

Когда суматоха, всколыхнувшая тусклую мусть нашего затянувшегося пищеварения, улеглась, надзирательницы разбудили Лени и выстроили всех вдоль автобуса, который должен был отвезти нас домой. Желудок перестал возмущаться и принялся за работу. Мое тело поглощало пищу фюрера, пища фюрера проникала в мою кровь. Гитлер был спасен. А я снова проголодалась.

В тот день в обеденном зале с белыми стенами я стала дегустаторшей Гитлера.

Это случилось осенью 1943-го. Мне было двадцать шесть, и я пятьдесят часов провела в пути, преодолев за это время семьсот километров: рванула из Берлина в Восточную Пруссию, в то место, где родился Грегор, вот только Грегора там не оказалось. Так, убегая от войны, я и попала в Гросс-Парч, надеясь, что это всего на неделю, не больше.

Днем раньше они без предупреждения приехали в дом моих свекров и объявили, что ищут Розу Зауэр. Я их не заметила: была на заднем дворе. Не слышала даже пыхтения грузовичка, остановившегося у самого дома, увидела только, как гурьбой, расталкивая друг друга, бросились к курятнику несущки.

— Это по твою душу, — сказала Герта.

— Кто?

Она отвернулась, не ответив. Я позвала Мурлыку, но тот не пришел: будучи светским котом, он с утра отправился гулять по деревне. Тогда я пожала плечами и вошла в дом следом за Гертой, размышляя, кто додумался искать меня здесь: никто не знал, что я приехала. Боже, неужели Грегор? «Что, муж вернулся?» — спросила я, но Гер-

та была уже в дверях кухни, перекрыв свет своей широкой спиной. Йозеф, согнувшись, стоял рядом с ней, его вытянутые руки упирались в столешницу.

— Хайль Гитлер! — донеслось из темноты, и две размытые фигуры вскинули в мою сторону правые руки.

Переступив порог, я тоже подняла руку. В кухне ждали двое в серо-зеленой форме, их лица теперь были освещены.

— Роза Зауэр? — спросил один; я кивнула. — Фюрер нуждается в ваших услугах.

Я ведь его, фюрера, в глаза не видела. И вот пожалуйста, он во мне нуждается.

Герта принялась вытирать руки фартуком, а эсэсовец продолжал говорить. Он повернул голову и смотрел теперь только на меня, смотрел оценивающе, пытаюсь понять, здорова ли я, достаточно ли крепка. Разумеется, несколько ослаблена голодом, видны следы бессонницы из-за ночных сирен, глаза чуть ввалились: наверняка потеряла многое и многих. Впрочем, лицо сохранило округлость, волосы густые и светлые: типичная молодая арийка, уже смирившаяся с тяготами войны, проверенная — стопроцентный национальный продукт. В общем, идеальный вариант: так, видимо, решил эсэсовец. Он направился к двери.

— Могу я вам что-нибудь предложить? — вскинулась Герта. Непростительная задержка: сразу видно — деревенщина, не знает, как принимают важных гостей. Йозеф наконец выпрямился.

— Выезжаем завтра в восемь, готовьтесь, — сказал молчавший до сих пор второй эсэсовец и тоже вышел.

Похоже, «шущтаффель» не склонны разводить лишние церемонии. А может, просто не любят желудевый кофе — хотя, возможно, в подвале нашлась бы и бутылочка вина, ждущая возвращения Грегора. Как бы то ни было, факт налицо: приглашения Герты они не приняли, каким бы запоздалым оно ни было. Наверное, это сила воли помогла им бороться с пороками и искушениями, ослабляющими тело: вон как руки вскидывали, когда кричали «Хайль Гитлер» — и ведь указывали при этом на меня!

Когда грузовичок отъехал, я выглянула в окно, и следы колес на гравии показались мне строчками приговора. Я бросилась к другому окну, в другую комнату, заметалась по дому в поисках воздуха, в поисках выхода. Герта с Йозефом следовали за мной. Пожалуйста, дайте мне подумать! Дайте мне хотя бы вздохнуть!

Это староста назвал мое имя, сказали эсэсовцы. Он всех знает, этот деревенский староста, даже новоприбывших.

— Должен же быть какой-то способ, — бормотал Йозеф, дергая себя за бороду и собирая ее в кулак, словно в ней и заключалось решение.

Работать на Гитлера, пожертвовать ради него жизнью — разве не так делали все немцы? Но мне-то предстояло проглотить отравленную пищу и умереть без единого выстрела или взрыва бомбы, Йозеф не мог этого принять. Смерть под сурдинку, за кулисами — это для крыс, не для героев. Впрочем, женщины редко умирают как герои.

— Мне нужно уходить.

Я прижалась лбом к стеклу и попыталась дышать глубоко и размеренно, но вскоре почувство-

вала боль в давным-давно сломанной ключице. Поменяла окно — на это раз боль под ребрами, совсем не могу выдохнуть.

— Приехала сюда поправить здоровье — и чего ради? Чтобы отравиться и помереть? — горько рассмеялась я в лицо свекрам, как будто именно они привели ко мне эсэсовцев.

— Тебе надо спрятаться, — выдохнул Йозеф, — укрыться где-нибудь.

— Может, в лесу? — предложила Герта.

— Где в лесу-то? И что там делать? Сдохнуть от голода и холода?

— Будем носить тебе еду.

— Ясное дело, — подтвердил Йозеф, — мы ведь тебя не бросим.

— А если меня станут искать?

Герта взглянула на мужа:

— Как думаешь, станут ее искать?

— Да уж, рады не будут, это точно... — заппнулся Йозеф.

Еще даже не призвана, а уже дезертирую! Вот ведь смех, а?

— Но ты ведь можешь вернуться в Берлин.

— Да, точно, поезжай домой, — подхватила Герта, — не бросятся же они в погоню.

— У меня больше нет дома в Берлине, иначе я бы в жизни сюда не приехала!

Герта поджала губы: одной фразой я вмиг перечеркнула всю приязнь, что мы испытывали друг к другу, будучи, по сути, малознакомыми людьми.

— Прости, я не хотела...

— А, забудь, — отмахнулась она.

Проявив неуважение, я, как ни странно, открыла путь к взаимному доверию, почувствовала ее

тепло, ее близость. Мне вдруг ужасно захотелось, чтобы она обняла меня, прижала к себе, окружила заботой до конца моих дней.

— А как же вы? — выдавила я наконец. — Если они меня не найдут, что будет с вами?

— Да уж справимся как-нибудь, — буркнула Герта и отвернулась.

— Ну, что будешь делать? — поинтересовался Йозеф, бросив наконец теревить бороду: решения там явно не было.

И я предпочла умереть на чужбине, а не в родном городе, где не осталось ничего, что меня с ним связывало.

На следующий день после первого сеанса пробоования пищи я поднялась спозаранку. Заслышав петуха, все лягушки в округе разом перестали квакать, словно уснули в один миг. А я, всю ночь промаявшись без сна, чувствовала себя ужасно одинокой. В оконном стекле отразились два ввалившихся глаза, и я сразу узнала себя. Бессонница и тяготы войны были ни при чем: огромные темные круги всегда красовались у меня на лице. Мать говорила: «Бросай уже свои книжки, вон до чего они тебя довели». «Это же не от дефицита железа, правда, доктор?» — беспокоился отец, а брат просто терся о меня лбом: касание моей мягкой, как шелк, кожи помогало ему заснуть. И теперь, увидев отражение знакомых с детства кругов под глазами, я приняла его за доброе предзнаменование.

Мурлыка дремал у курятника с таким видом, будто лично отвечал за безопасность кур. С другой стороны, не мог же он оставить дам — в этом

отношении Мурлыка был до странности старомоден и прекрасно это сознавал. А вот Грегор променял меня на войну: решил побыть хорошим немцем, а не хорошим мужем.

Впервые пригласив меня на свидание, он предложил встретиться у кафе возле собора, но опоздал, и нам пришлось сесть за уличный столик. Несмотря на яркое солнце, уже подмораживало. Я была так очарована, что угадывала в птичьем гомоне знакомые мелодии, а в их полете — танец, исполненный специально для меня. Мы наконец-то были вместе, мы были влюблены, и эта любовь оказалась именно такой, какую я ждала с самого детства. Один из пернатых отделился от стаи; одинокий, гордый, он клевал что-то у самой воды, почти ныряя в Шпрее, потом взмахнул крыльями, взлетел, подняв рябь, и сразу вернулся назад: внезапная попытка побега, бездумный жест — признак опьяняющей эйфории. Я и сама чувствовала зуд в ногах от точно такой же эйфории, испытываемой впервые. Мой начальник, молодой инженер, сидит рядом со мной в баре: какое же это счастье!

Я заказала яблочный пирог, но даже не попробовала его. Грегор вскинул брови: «Не нравится?» Я рассмеялась: «Пока не знаю», пододвинула к нему блюдце, приглашая попробовать, и, когда увидела, как он глотает, по привычке наскоро прожевав, тоже захотела пирога. Отломил кусочек, потом еще один, и в итоге мы принялись есть из одной тарелки, болтая о всякой чепухе и стараясь не глядеть друг на друга, словно стеснялись этой близости, но в конце концов столкнулись вилками — и тотчас же замолчали, подняв глаза. Мы

еще долго смотрели друг на друга, а птицы все кружили, потом устало расселись по ветвям деревьев, балюстрадам и уличным фонарям, неизвестно зачем развернувшись клювами к реке: может, собирались утопиться, чтобы никогда больше не видеть света. И Грегор нарочно зажал мою вилку своей — как будто стиснул меня в объятиях.

Герта вышла за яйцами позже обычного: наверное, тоже провела бессонную ночь и поутру не смогла проснуться. Меня она нашла на ржавом железном стуле, с Мурлыкой на коленях и села рядом, забыв о завтраке.

Скрипнула дверь.

— Они уже здесь? — вздрогнула Герта.

Прислонившийся к косяку Йозеф отрицательно покачал головой.

— Яйца, — сказал он, указывая в сторону двора. Мурлыка вальяжно двинулся за ним, и без его тепла я сразу замерзла.

Заря постепенно отступала, как набежавшая на берег волна, обнажая бледное, бескровное утреннее небо. Закудахтали куры, зачирикали воробьи, даже пчелы, почуяв наступление нового дня, зажужжали было вокруг моей головы, но визг тормозов спугнул их.

— Роза Зауэр, встать! — послышался окрик.

Мы с Гертой вскочили. Прибежал Йозеф с яйцами в руках, не заметив, что сдавил их слишком сильно. Теперь ему оставалось лишь смотреть, как текут между пальцами вязкие ярко-оранжевые ручейки и беззвучно падают на землю крупные капли.

— Быстрее, Роза Зауэр! — кричал эсэсовец.

Посторино Р.

П 63 Дегустаторши : роман / Розелла Посторино ; пер. с ит. А. Манухина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17899-1

Международный бестселлер итальянской писательницы Розеллы Посторино, лауреата самых престижных литературных наград Италии, таких как *Strega*, *Campiello* и *Un autore l'Europa*, — в том числе за данную книгу.

Роман этот основывается на реальной истории — на интервью, которое дала в 2012 году 95-летняя Марго Вёльк, единственная пережившая войну из пятнадцати девушек, которые в гитлеровской ставке «Вольфшанце» («Волчье логово») пробовали еду, предназначенную для фюрера: тот патологически боялся, что его могут отравить. Для уроженки Берлина Розы Зауэр (под таким именем выведена Марго Вёльк в романе), оказавшейся в Восточной Пруссии практически случайно, эта служба давала возможность впервые за годы войны вдоволь поесть: но ценой каждого обеда в любви момент могла стать смерть. Подобно «Чтецу» Бернхарда Шлинка, «Дегустаторши» — не столько об ужасах войны, сколько о страхе и выборе. О том, можно ли оставаться над схваткой, служа воплощению мирового зла. На что можно и на что нельзя пойти, чтобы сохранить надежду на будущую жизнь, на возвращение мужа с фронта?..

В 2018 году на юбилейной московской книжной ярмарке *Non/Fiction*, почетным гостем которой была Италия, Розелла Посторино представляла «Дегустаторш» на совместной презентации с Гузелью Яхиной — лауреатом премий «Большая книга» и «Ясная поляна». «Меня не смущает, что „Дегустаторш“ сравнивают с „Чтецом“, — говорила Посторино, — наоборот, для меня это большая честь...»

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

РОЗЕЛЛА ПОСТОРИНО
ДЕГУСТАТОРШИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Владимир Петров
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Маргарита Ахметова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.02.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16,92.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBB-26468-01-R